

Православный Собеседник

№8 (58) СЕНТЯБРЬ 2022

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ ГАЗЕТА ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Редакция: Pikk 64, Tallinn, 10133, Тел. +372 641 1301
Главный редактор: Митрополит Евгений

Издание возобновлено по благословию митрополита
Таллинского и всея Эстонии Корнилия

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ 21 СЕНТЯБРЯ

Рождество Пресвятой Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии празднуется Церковью как «день всемирной радости» (св. Иоанн Дамаскин). На Земле родилась единственная, предустановленная от века Божественным Промыслом Дева, Которая стала достойной сделаться Матерью Господа Иисуса Христа и орудием спасения мира от тяготевшего на нем проклятия и смерти. Настоящий праздник, по св. Андрею Критскому, есть «начало праздников и служит дверью к благодати и истине», приближая на земле Царство Божие. Пресвятая Богородица, являясь Матерью Бога Слова, по обетованию Спасителя, данному Им в крестных муках апостолу Иоанну Богослову, является и Матерью для всего рода человеческого, милосердной Заступницей всех прибегающих к Ней с верой и сыновним дерзновением.

Рождество Богородицы – двенадцатый, непереходящий праздник, то есть дата его остаётся неизменной каждый год. Двенадцатые праздники догматически тесно связаны с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа и Богородицы. Богородичный праздник продолжается шесть дней: с 20 по 25 сентября, период этот включает предпразднство и попразднство.

Это событие — рождение Матери Господа нашего Иисуса Христа — не описано в Новом Завете, знания об этом пришли к нам из Церковного Предания. Существует так называемое Протоевангелие Иакова, написанное в II веке, из которого мы и узнаём, что Мария родилась от благочестивых родителей — Иоакима и Анны. Иоаким происходил из царского рода Давидова, а Анна была дочерью Матфана, священника из племени Ааронова.

Только к V веку христиане начали отмечать Рождество Богородицы. Первые упоминания о Празднике можно найти у Константинопольского патриарха Прокла (439-446 года) и в требнике (богослужебной книге) Папы Геласия (492-426 годы). Также о празднике пишут святители Иоанн Златоуст, Епифан и Августин. А в Палестине существует предание о том, что святая равноапостольная царица Елена построила в Иерусалиме храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.



Рождество Богоматери с избранными святыми. Новгород.
Конец XIV — начало XV вв..



Преображенский собор Мирожского монастыря (XII век). Рождество Богородицы



Рождество Богоматери. Киевский Софийский собор

Древние изображения событий Рождества Божией Матери мы встречаем на иконах и фресках.

В числе древнейших сохранившихся изображений праздника Рождества Богородицы можно назвать роспись грузинского храма VII века в Атени, русские фрески в апсиде Киевского Софийского собора (первая половина XI века) и в Преображенском соборе Мирожского монастыря (XII век), а также широко известную сербскую композицию в церкви Иоакима и Анны монастыря Студеница (1304 г.). Нельзя не упомянуть и о росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, исполненную Дионисием в 1502 г. Монументальная фреска над порталом главного входа изображает обстоятельства Рождества Богоматери: святую Анну на ложе, купель, дев с сосудами в руках и пришедших поклониться Младенце.

Иконография ранних изводов праздника Рождества Богородицы достаточно скупа в изображении различных бытовых подробностей. В центре композиции изображается праведная Анна, полулежащая на высоком ложе. Фон икон составляют традиционные архитектурные кулисы на античный манер. Фигура прав. Анны, по сравнению с другими персонажами, отличается значительно более крупными размерами. Святой Анне предстоят жены с дарами, а перед ее ложем изображаются повивальная бабка и служанки, омывающие Богородицу в купели. Существуют и варианты изображения подношения Девы Марии св. Анне, или представления Младенца в колыбели.

Иконы более позднего времени содержат много подробностей, рисующих живую обстановку дома праведных Иоакима и Анны. На них появляются изображения стола с принесёнными дарами и угощениями, водоёма и птиц. Введение этих деталей, подчёркивающих земной, человеческий строй всего изображения, несомненно, имеет глубокий смысл. Авторы иконографического сюжета преследовали цель сделать простых зрителей участниками радостного события, которое не только некогда освятило дом праведников, но и озарило всю Вселенную.



Протоиерей Леонтий МОРОЗКИН

КОГДА НАСТУПАЕТ СЕНТЯБРЬ...

Сентябрь месяц является месяцем начала нового церковного года. Прежде какого-либо двенадцатого праздника (это двенадцать праздников самой значительной, после Пасхи, торжественности) мы совершаем Престольный праздник нашего главного в Эстонии Таллинского кафедрального собора - 12 сентября. Этот праздник Александру Невскому всегда бывает воспоминанием перенесения мощей святого Александра из Владимира в Санкт-Петербург в 1724 году.

Главным торжеством этого дня в России бывает многолюдный Крестный ход от петербургского Казанского собора до Александро-Невской лавры. Эта традиция была утверждена императрицей Елизаветой Петровной в 1743 году, а после 1991 года этот обычай был возобновлён.

Общеизвестным обстоятельством истории Казанского собора является тот факт, что в этом храме находится могила Михаила Илларионовича Кутузова, а на площади перед собором с 1837 года стоит памятник этому военачальнику. Кутузов, родившийся в Петербурге в 1745 году, таким образом сделался современником самого начала этого Александро-Невского торжества, совершаемого 12 сентября (30 августа по старому стилю). Фельдмаршал стал человеком огромного опыта, участником многих сражений, а кроме того, он был заметным дипломатом, весьма близким к Императорскому дому. Учреждённый императрицей Елизаветой обычай чествовать 12 сентября благоверного Александра Невского был хорошо знаком Михаилу Илларионовичу: близость к императорскому семейству тоже способствовала этому – Семейство всегда принимало участие в этих народных молитвах.

Заметим, однако, некоторую «подробность» из жизни фельдмаршала, которая «ещё и ещё раз» роднит этого человека с заветами Александра Невского.

Эта «подробность» в том, что ровно 210 лет назад, 13 сентября (по современному календарю) 1812 года, в скором времени после Бородинского сражения, решением Кутузова Россия сделала некоторый особенный (казавшийся может быть смертельным) выбор, однако на самом деле спасший её от смертельной опасности.

Тринадцатого сентября, сразу после «Александро-Невского дня», состоялось известнейшее совещание в Филях (деревня на подступах к Москве), где Кутузов предложил своим главным военачальникам вопрос о том, давать ли ещё (после Бородинского) новое сражение – чтобы спасти Москву...

У собравшихся были разные мнения. И большая часть генералов высказывались определённо за то, чтобы сражение было. Как вспоминали некоторые участники этого Совета, Кутузов молча слушал всех, не делая своих примечаний. А после того, как все высказались, сказал о том, что властью, данною ему, он приказывает отступление и сдачу Москвы. Это решение стало и судьбоносным, и ужасным, и спасительным. Оно привело к невосполнимым материальным потерям и страданиям людей. Москва была разграблена, оскорблена и по большей части сгорела в грандиозном пожаре. Многие потери стали невосполнимы. Вера народа, его храмы были осквернены «революционной армией»; разливалось море насилия и унижений...

Народное сердце, однако, сделало свою оценку этих событий. Эта оценка сделана словами великого Михаила Лермонтова: «Кода б на то не Божья воля, не отдали б Москвы». Фельдмаршал Кутузов послужил исполнению Божией воли. Это было для него необыкновенно тяжким переживанием. Один из адъютантов главнокомандующего слышал, как в уединении, сразу после совещания, Михаил Илларионович плакал...

Трудно быть служителем неведомой Божией воли. Но этот опыт, такая готовность, бывает необыкновенно плодотворной; это потому, что это опыт высшей добродетели – смирения. Александр Невский был учителем смирения. И другой известнейший российский воин - фельдмаршал Кутузов - в важную минуту своей жизни сделался хорошим учеником. Об этом можно всегда припоминать, «когда наступает сентябрь».

Церковные праздники

Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 27 сентября



Равноапостольные Константин и Елена

Праздник установлен в память обречения и Воздвижения Креста Христова. Это знаменательное событие произошло при императоре Константине Великом, который первым из римских императоров прекратил гонения на христиан.

Равноапостольный царь Константин пожелал построить храмы Божии на священных для христиан местах в Палестине, (т. е. на месте рождения, страданий и воскресения Господа Иисуса Христа) и найти Крест, на котором был распят Спаситель. Исполнить желание царя взялась его мать – св. равноапостольная царица Елена.

В 326 году царица Елена с этою целью отправилась в Иерусалим. Много труда положила она, чтобы отыскать Крест Христов,

так как враги скрыли Крест, зарыв его в землю. Наконец, ей указали на одну пещеру, зарытую в землю. Над пещерой был выстро-

ен языческий храм. Царица Елена приказала разрушить это здание и откопать пещеру.

Когда откопали пещеру, то нашли в ней три креста и отдельно лежащую от них дощечку с надписью: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Нужно было узнать, который из трех крестов есть Крест Спасителя. Иерусалимский патриарх Макарий и царица Елена твёрдо верили и надеялись, что Бог укажет святой Крест Спасителя.

Они стали подносить кресты один за другим к одной тяжело болящей женщине. От двух крестов не произошло никакого чуда, когда же возложили третий крест, то болящая тотчас же стала здоровой. Случилось, что в это время мимо несли умершего для погребения. И когда возложили третий крест на него, то умерший ожил. Таким образом Господь и показал животворящую силу Своего Креста.

Царица Елена, патриарх Макарий и окружающие их люди с радостью и благоговением поклонились Кресту Христову и поцеловали его. Христиане, узнав об этом великом событии, собрались в бесчисленном множестве к месту, где был обретен Крест Господень. Всем хотелось приложиться к святому животворящему Кресту. Но так как из-за множества народа это сделать было невозможно, то все стали просить показать его. Тогда патриарх Макарий встал на возвышенном месте и, чтобы всем было видно, несколько раз поднял Крест над собой. Народ же, видя Крест Спасителя, кланялся и восклицал: «Господи, помилуй!»

Св. равноапостольные цари Константин и Елена воздвигли здесь храм в честь Воскресения Христова. Построили также храмы на Елеонской горе, в Вифлееме и в Февроне у Дуба Мамрийского. Часть Креста Господня царица Елена принесла своему сыну – Царю Константину, а другую часть оставила в Иерусалиме. Этот драгоценный остаток Креста Христова и до настоящего времени хранится в храме Воскресения Христова.

Митрополиту Таллинскому и всей Эстонии Евгению – 65 лет!

9 октября Эстонская Православная Церковь сердечно поздравляет своего Предстоятеля Митрополита Евгения с 65-летием!

Дорогому Владыке молитвенно желаем доброго здоровья, долголетия, всесильной и неотступной помощи Божией в многотрудных делах управления Христовой Церковью.



Митрополит Таллинский и всея Эстонии Евгений: «Человек предполагает, а Господь располагает!»



Пути Господни неисповедимы. Если мы пытаемся выстраивать какую-то логику, то это очень часто не получается. Как говорится, человек предполагает, а Господь располагает. Я могу полностью отнести эти слова к себе. Моя семья была верующей, но в том месте, где мы жили, храма не было. Мама ездила куда-нибудь в церковь, но я очень редко бывал там. Поэтому мой вполне осознанный религиозный путь начался после возвращения из армии. Когда я вернулся из армии, то хотел поступать в институт, но не сразу, а может быть, через год. Вот за этот год и произошло моё проникновение в церковную жизнь. После завершения службы я в какой-то степени замкнулся, даже закрылся и погрузился в чтение литературы, прежде всего религиозной. Я думаю, такой путь проходят абсолютно все и всегда. В это время очень важно, с кем ты встречаешься. Мне повезло. У меня были встречи прежде всего с мудрыми священниками. Главное в такой ситуации, чтобы тебя не тянули за уши, а ненавязчиво советовали, что ты должен делать, говорили: вот это почитай, об этом подумай, а это посмотри. Именно такой подход очень правильный и верный, когда ты сам приходишь до понимания каких-то жизненно важных вещей. К тому же мы все прошли советскую школу, которая, в общем, была пронизана материалистическим духом и духом атеизма. И вдруг, когда ты проникаешь с другой стороны, смотришь на жизнь и видишь, насколько эта идеология была ложной. Вот тогда ты ещё больше укрепляешься в делах веры. Это произошло в данном случае не на волне более поздних изменений, когда начала рушиться коммунистическая партия и её идеология стала разваливаться как карточный домик. Тогда многие делали свою политическую карьеру, пиная, так сказать, «мёрт-

вого льва». Это было вполне осознанно. Мы, приходя в семинарию, куда я поступил в 1980 году, очень чётко осознавали, что являемся изгоями общества. Ни у кого из нас не было и в мыслях что-то такое предпринять, чтобы устроиться в этом мире. Мы понимали, куда шли. Вот это я считаю самым главным. Окончил строительный техникум. А пригодилась мирская профессия и в церковной жизни. Это случилось, когда я оканчивал академию, тогда ещё дореформенную. Обучение в ней длилось четыре года, и я учился на четвёртом курсе. Тогда в академии произошёл пожар. Это вообще был очень трудный год, когда совпало и окончание академии, и её восстановление. Всех выпускников, оставшихся в академии, бросили на трудовой фронт. Я думаю, что это очень полезная вещь. Все студенты, которые учились в то время, помнят два года сумасшедшей стройки. Тогда, по сути, лекции писались на коленках: сегодня лекции шли в одном помещении, а завтра нужно было переходить в другое. Или, если вы живёте в условиях академии, а завтра там начнутся работы по восстановлению, вы должны поздно вечером со всеми своими вещами перейти в другое место, а завтра утром снова идти на лекции. Конечно, было очень трудно, но сейчас вспоминаешь, что эти годы были такими благодатными! Проходя через эти трудности, мы участвовали в таком важном деле, как восстановление академии. Это был 1988 год – переломный момент, когда в Кремле, на самом высоком уровне, решался вопрос о том, чтобы разрешить Русской Православной Церкви праздновать юбилей – тысячелетие Крещения Руси. Могло случиться так, что было бы дано разрешение на проведение где-то какой-то конференции, о которой никто бы и не узнал, или всё же дать РПЦ выход в какое-то светское медийное пространство. Сейчас такое уже никого не удивит: там один священник выступает, там другой передачу ведёт, третий какие-то лекции читает. Но тогда нам было практически невозможно попасть в программу «Время». Поместный собор Русской Православной Церкви, посвящённый тысячелетию Крещения Руси, открылся в начале июня 1988 года. На нём кроме празднования были обыкновенные рабочие вопросы и доклады, несколько дней проходили заседания. Я помню, тогда была тёплая погода. В академии на окне выставили телевизор экраном на улицу. Все проходили мимо и ждали, расскажут ли о Соборе в программе «Время». Прошла совсем коротенькая новость: «В подмосковном городе Загорске про-

ходит заседание Поместного собора Русской Православной Церкви, посвящённого тысячелетию введения христианства на Руси». Вот такая была официальная советская формулировка. Но тогда все радовались даже такому: для того времени это уже было много, мы не были готовы к этим переменам. Ещё при Хрущёве были закрыты практически все семинарии. Из открытых после войны десяти семинарий остались только три: в Москве, Ленинграде и Одессе. Из них выпускалось в конце 1980-х годов примерно около ста человек в Москве и по шестьдесят в Ленинграде и Одессе. Что это для тогдашнего Советского Союза с его огромной территорией, когда массово стали открываться храмы? Это был мизер. Тогда и семинарии стали открываться, шёл очень бурный процесс. Невозможно было найти столько священников, чтобы заполнить храмы. Ведь главным было начать служить – необязательно, чтобы купола сияли золотом. Передавали какой-то магазин, какой-то дом, и там начинались службы. Но служить-то должен священник. К тому же он должен был быть мало-мальски духовно образован. Вот такая была очень важная сторона жизни. Её можно сравнить со временем после Крещения Руси в десятом веке. В 988 году сложилась такая же ситуация, тоже стали открываться храмы, а священников негде было взять. Вот и теперь, можно сказать, происходило второе рождение Русской православной церкви, но уже в совершенно других условиях. Это действительно было судьбоносное время.

Что касается моего назначения на эстонскую кафедру, то здесь надо исходить из промысла Божьего. Ставить вопрос, хорошо это или плохо, изначально неправильно. Хорошо то, что благословил Господь. Не надо чувствовать себя временщиком, думать, что, наверное, было бы лучше так или как-то по-другому. Это только зря терзаться. Надо осознавать, что на этом участке ты занимаешься делом Божьим. Именно с тебя в первую очередь Господь спросит, как ты это делаешь, что предпринимаешь. Основная задача – прежде всего забота о пастве, которую нужно вести к Богу. То есть ты как воин Христов, но такое звание ещё нужно заслужить.

Мои предшественники были родом из Эстонии, я приехал в другую для себя страну. И можно задать вопрос: «Есть ли разница в пастырском служении в России и за рубежом?» Знаете, особенности везде есть. Даже если взять Россию с её огромными территориями, свои особенности есть в отдельных регионах. Поэтому с точки зрения

православия здесь та же самая православная паства. Поэтому говорить о каких-то кардинальных различиях я не вижу повода. Да, здесь есть какие-то национальные особенности, но они есть и в разных регионах России. Ничего такого катастрофического с точки зрения христианской проповеди здесь нет. В некоторых случаях службы проходят и на эстонском языке. В таллинском Александро-Невском кафедральном соборе по субботам совершается две литургии: ранняя – на церковнославянском языке, а поздняя – на эстонском. В храме Иоанна Предтечи в столичном районе Нымме часть богослужений на неделе также проходит на эстонском языке. В большинстве наших храмов по воскресеньям Евангелие читается в обязательном порядке на обоих языках. Некоторые ектении (прошения) произносятся тоже на двух языках, чередуясь. Это я считаю абсолютно правильным. Я и сам собираюсь приступить к изучению эстонского языка. Легче было бы изучать язык, когда никто не говорит на твоём родном языке. Но у нас здесь в основном русскоговорящая паства. Конечно, есть эстонские священники, но они, как правило, русский язык знают. Всё-таки я постараюсь изучить эстонский язык.

Несмотря на то что я много лет жил на одном месте, не вижу катастрофы в своём переезде. Примером может служить моя поездка в Ставрополь, хоть тогда я был намного моложе. Может быть, кто-то очень болезненно воспринимает переезд, потому что это всегда связано с какими-то неудобствами. Но это временное явление. Все перемещения налагают какой-то отпечаток, но для меня ничего страшного в этом вопросе не было. Мне часто задают вопрос: «Владыка Корнилий был очень озабочен отношениями с митрополитом Эстонской апостольской православной церкви Стефаном и его притязаниями на верховенство. Какова ситуация на сегодняшний день? Что я собираюсь предпринять для врачевания этого разделения?»

При владыке Корнилии ситуация была несколько другой. Сейчас мы ничего не предпринимаем по каким-то общим моментам. Почему? Есть решение верховной церковной власти. Для нас это Москва, для митрополита Стефана – Константинополь. Решение принято на том уровне. Поэтому в данном случае и митрополит Стефан, и я – мы здесь нижестоящая инстанция, ничего не можем изменить. Решения должны быть приняты на самом высоком уровне. Наши церкви являются автономными по отношению к нашим вышестоящим инстанциям.

Что по этому поводу можно сказать? На сегодняшний день Эстония не единственная страна, где на одной территории присутствует одновременно несколько поместных церквей, хотя это и противоречит церковным канонам. Но я неоднократно повторял и ещё раз повторяю, что Русское Православие появилось на Эстонской земле ещё в XI–XII веках. И поэтому прибытие сюда, на каноническую территорию Русской Православной Церкви, представителя Константинопольского патриархата рассматривается как вторжение. Но в тот момент договорились о том, что, исходя из желания прихожан, каждый приход пойдёт в свою сторону, и разделение произошло. То есть некая стабилизация на тот момент наступила. Только нужно принимать во внимание, что вся церковная собственность принадлежит константинопольской структуре. А мы – «новая» организация, которая находится в Эстонии с 2002 года. Вот это вопиющая несправедливость по отношению к нам. Поэтому мы ждём, молимся и надеемся, что когда-нибудь на более высоком уровне будут приняты

положительные для нас решения. Дальнейшее ухудшение ситуации произошло исходя из той политики, которую Константинополь повёл по отношению к Украине, признав раскольников. Вообще за всю историю православия такого никогда не было. Признание раскольников, над которыми довлеет решение Собора, – это нонсенс. Поэтому как об этом сейчас можно что-то говорить? Ждём, надеемся и верим!

– При всей занятости вы посещаете и мирские мероприятия, например отдаёте дань памяти павшим воинам. Откуда берутся силы?

– Да, я принимаю участие и в светских мероприятиях, в частности в посвящённых памяти павших воинов. Я считаю, что события Второй мировой войны – это такая кровоточащая рана, которая остаётся во многих поколениях. Очень важно, чтобы новое поколение не забыло этой трагедии. Всегда здесь примешивается политика. Но мы прежде всего молимся о простых воинах, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом. Нельзя одинаково воспринимать немецкую и советскую оккупации, если использовать современную эстонскую

терминологию. Нужно помнить, что есть документы, подписанные самим Гитлером. Это план «Ост», в котором написано, что от общего числа эстонцев должны были остаться 50 % только за то, что они эстонцы. Но им бы повезло больше, потому что они ближе к арийской расе. Славяне же, которых даже за людей не считали, должны были быть уничтожены на 80 %. Это не голословные утверждения, они подтверждены документально. Что же дала эстонцам так называемая «советская оккупация»? Бесплатное образование (в плане «Ост», кстати, было чётко сказано, что не надо никого учить. – Авт.) и ещё много чего для обеспечения жизни. Конечно, если говорить о депортации, то это страшное дело. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я ни в коем случае не защищаю идеологию коммунизма или, допустим, сталинский режим. Сталинский режим был репрессивным режимом. Гитлеровский режим был человеконенавистническим режимом. Это разные вещи. Сталин уничтожал политических противников. Гитлер уничтожал наряду с политическими противниками и людей разных на-

циональностей только потому, что они не принадлежали к арийской расе. Это принципиальное отличие, поэтому одним термином называть и то и другое неправильно. Давайте назовём их разными режимами: один – репрессивный, а другой – человеконенавистнический. Почему сейчас нужно обелять тех, кто уничтожал, сжигал людей по национальному признаку? Это мне совершенно непонятно. Поэтому мы молимся за погибших. Да, тогда идеология была такой. Но я уверен, что среди тех солдат, которые погибли, было много верующих, а не только идейных до мозга костей коммунистов. Ситуация была такова, что многие из них просто не заявляли о своей вере, но в душе были православными. Почему бы не вознести о них молитву? Почему мы должны забыть их подвиг? Это трагедия мирового масштаба, и замалчивать её мы не имеем права. Моё участие в мирских делах не имеет никакой политической подоплёки, это прежде всего молитва за тех людей, которые ушли из этой жизни.

Записала журналист
Ирина Калабина, Таллин

Газете «Православный Собеседник» - 5 лет

Газете «Православный Собеседник», занимающей достойное место среди изданий современности, исполнилось 5 лет!

За эти годы единственная в Эстонии православная, благотворительная газета на русском языке, являющаяся официальным, некоммерческим изданием Эстонской Православной Церкви и играющая очень важную роль в духовном развитии и просвещении общества, стала Другом для многих верующих.

Газета учреждена в память о Епископе Таллинском и Эстонском Исидоре, одном из виднейших священнослужителей XX века, магистре богословия и редакторе альманаха «Православный Собеседник». Восстановленное издание, прекратившее своё существование в 40 годах XX столетия, сегодня вновь является крепким звеном в деле просвещения.

Жизнеописания новомучеников и исповедников Христовой Церкви, о которых часто рассказывает газе-

та, знакомят православных с сонмом святых, сумевших сохранить веру и верность Христу при жесточайших гонениях, что для нас и сегодня является примером мужества и стойкости Духа. Святоотеческие труды, статьи о православном воспитании, о различных паломничествах по Святым местам и историко-литературные очерки способствуют укреплению христианской культуры в жизни мирян. «Православный Собеседник» помогает читателям от-

ветить на множество волнующих вопросов. Кто-то благодаря этому изданию обрёл веру, кто-то укрепился в Православии.

Молитвенно желаем редакции этого замечательного издания – большим труженикам нивы просвещения, и всем соратникам «Православного Собеседника» благодатного укрепления и помощи Божией.

Евгений,
Митрополит Таллинский
и всея Эстонии

Дорогие читатели нашей православной газеты!

В сентябре 2022 года мы отмечаем 5-летний юбилей возрождённого печатного издания нашей Церкви – газеты «Православный Собеседник».

По благословию приснопамятного Предстоятеля Церкви митрополита Корнилия газета «Православный Собеседник» с 7 сентября 2017 года стала официальным печатным органом нашей самоуправляемой Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

Владыка Корнилий в первом номере газеты пишет: «В память о Епископе Таллинском и Эстонском Исидоре (в миру Иоанн Яковлевич Богоявленский), одном из виднейших священнослужителей XX века, магистре богословия и редакторе альманаха «Православный Собеседник», я решил восстановить издание, которое прекратило своё существование в 40 годах XX столетия. 14 сентября – начало

индикта – Церковное новолетие. Новый церковный год мы открываем новым, если можно так сказать, печатным изданием, которое весьма органично в православном пространстве Эстонии – печатное слово, несущее духовный смысл, не заменить Интернетом».

Бесценно значение печатного слова в жизни каждого из нас. С первых простых и мудрых народных сказок, самостоятельно прочитанных в малолетстве, до высочайших евангельских истин, просвещающих, исцеляющих и освещающих нас в более зрелом возрасте, – именно духовное печатное слово является той основой, которая формирует, воспитывает и питает наши души. Перефразируя Гиппократ, можно сказать так: «Мы есть то, что мы читаем».

Как периодическое ежемесячное издание наша газета в каждом своём выпуске очерчивает широкий круг интересов – от важных событий в ежедневной жизни

нашей Церкви – её богослужебной деятельности, социальной и миссионерской работы и паломничества – до исторических и библиографических обзоров; от тем евангельских и святоотеческих до иконописи и церковной музыки; от классической православной литературы до православной архитектуры и живописи.

Читатели любого возраста всегда находят в газете для себя то, что их может заинтересовать, заставит задуматься и переосмыслить, возможно, свои прежние взгляды и суждения.

Наша газета, вне всякого сомнения, – интересное и востребованное издание, коллективный плод трудов людей искренних и бескорыстных. Она выходит ежемесячно под руководством главного редактора газеты, вдохновителя и нашего духовного наставника – Предстоятеля Эстонской Православной Церкви митрополита Таллинского и всея Эстонии Евгения, являющегося руководителем всего издательского процесса.

Протоиерей Леонтий Морозкин – цензор газеты, постоянный автор её публикаций. Отец Леонтий тщательно контролирует, чтобы содержание подготовленных статей строго соответствовало православному исповеданию.

Ольга Константиновна Майер – бессменный литературный редактор, душа и сердце нашей газеты. Ольга Константиновна, являясь автором многочисленных православно-литературных исследований, вызывающих живой отклик у наших читателей, находит такие темы и статьи для публикаций, чтобы чтение нашей газеты было и душеполезно, и интересно, и спасительно.

Роман Артёмович Алпатов – издатель и верстальщик газеты. Благодаря труду Романа Артёмовича мы всегда с интересом раскрываем только что отпечатанный цветной номер газеты.

Несомненно и то, что газета не была бы столь интересной, насыщенной информацией о прошедших и предстоящих событиях в нашей Эстонской Церкви и жизни её приходов публикациями на актуальные церковные темы и прочими достойными внимания статьями без наших авторов, прежде всего – клириков: священников и диаконов нашей Церкви, её неравнодушных прихожан и благочестивых граждан, искренне стремящихся раскрыть для себя и для наших читателей неземную красоту Православной веры.

Поскольку «Православный Собесѣдникъ» выпускается на благотворительной основе и распространяется бесплатно, то ежемесячное издание

его было бы невозможно без ваших посильных пожертвований, наши дорогие читатели! В каждой странице газеты есть доля труда наших жертвователей, частичка их щедрой и отзывчивой души. «Где священные книги и чтения, там веселие праведных и спасение душ» (преподобный Ефрем Сирин). Пожелаем же нашему «Православному Собесѣднику» оставаться столь же востребованным, интересным и душеспасительным печатным изданием, твёрдо стоящим на исповедании Православной веры – таким, каким он зарекомендовал себя с момента своего возрождения.

Иерей Вадим Годунов,
заместитель главного редактора
«Православного Собесѣдника»



Митрополит Корнилиѣ

«Дарования Божии приходят сами собою, если находят сердце человека чистым»



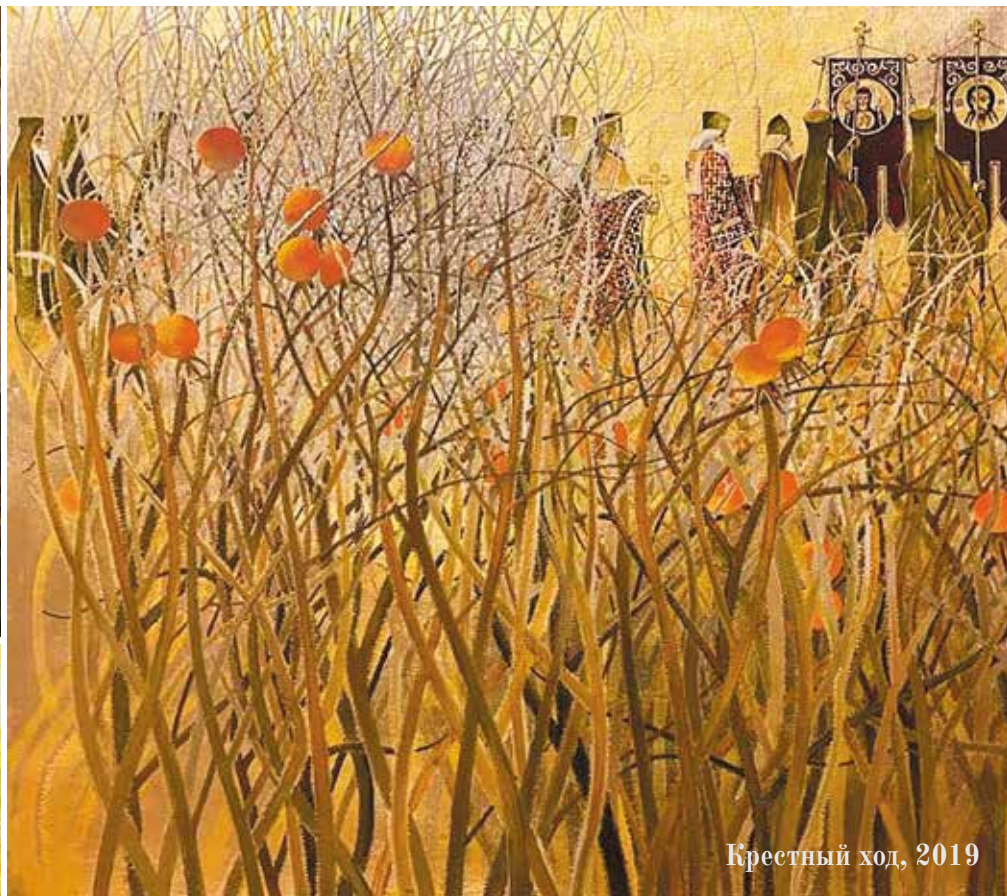
Белый шиповник, 2019



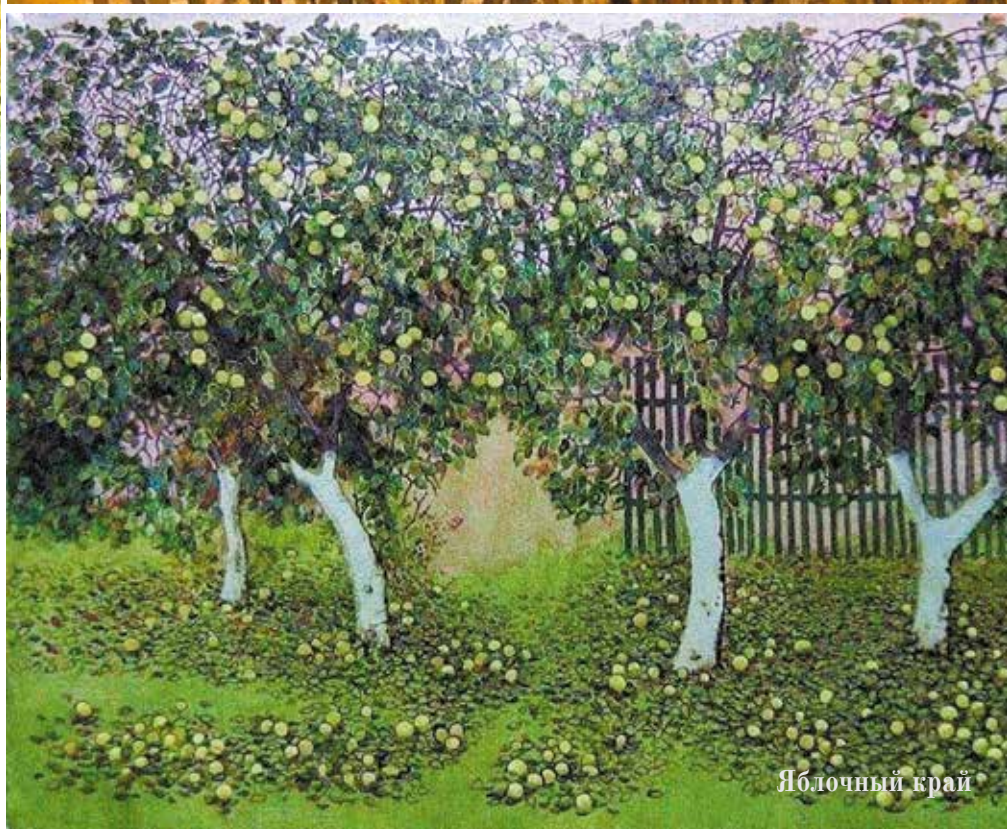
Очарованный странник



Теплый май



Крестный ход, 2019



Яблочный край

Работы иеромонаха Павла (Шопова),
духовника Тихвинского Успенского Богородичного мужского монастыря

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Телефонный звонок

Раздаётся звонок келейнику наместника:

— Здравствуйте! Наместника можно?

— Его нет.

— Дайте, пожалуйста, его телефон.

Келейник отвечает:

— А вы человек верующий?

— Да.

— Прочитайте «Отче наш».

Звонящий читает.

— Ладно, а теперь прочитайте «Символ веры».

Человек читает.

— Хорошо! Вот вам телефон, а если наместник придёт, что передать, кто звонил?

Ответ в трубке:

— Епископ Амвросий.

Никто не виноват!

Однажды в Сербию, в годах 30-х, приехал патриарх Албанской Церкви. Он служил и в нашей Зарубежной Церкви. После службы протодиакон по чину возглашал многолетие. Когда дошёл до слов «митрополиту Тиранскому и Ду-

рацкому», то продолжать дальше не смог... Смеялся он, смеялся весь собор к великому удивлению высокого гостя.

Ну не виноваты же были они, что столица Албании — город Тирана, а второй город — Дурацы и что полный титул гостя звучал так: «Патриарх всей Албании, митрополит Тиранский и Дурацкий»

**«Приходские новеллы»
протоиерея Льва Нероды**

«Есть ли у тебя хорошие монахи?!»

Один епископ, приехав в один монастырь, спросил настоятеля:

— Есть ли у тебя хорошие монахи?

— Есть, — был ответ.

— Ну, покажи.

Настоятель вызвал и говорит:

— Вот хороший кузнец, вот хороший мастер...

Послушал епископ и сказал:

— Я просил тебя показать мне хорошего монаха, то есть делателя молитвы или смирения, а ты показываешь мне хороших мастеров. Этого и в миру много.

Уехал епископ и сменил потом этого настоятеля.

Преп. Никон

«Ну и где твоя ряса?»

Знаете ли вы, что преподобный

Афанасий Афонский, подвизаясь, носил толстую одежду и тяжёлый претяжёлый крест, а мы... До чего же мы сейчас докатились! Будучи в Австралии, я видел в одном храме пономаря в шортах. В таком виде, — сказал я ему, — ходят на пляж, в море купаться». — «А мне, — отвечает он, — удобнее так».

Начинают с этого, потихоньку идут дальше, а потом доходят до того, что говорят: «Давайте сбросим рясы, чтобы нас не пекло солнце». Мешает мантия? Сбрось её! Мешает платок, апостольник, обливаешься потом? Сбрось и их, чего там! Да-да, мы катимся к этому... А священники пусть снимут подрясники и останутся в штанах, да? ...

Когда я был в Александрии, то поразился тому, что некоторые местные женщины были одеты в черное с головы до ног. Такое у них предание. И это при тамошней жаре! А что же мы — не можем вытерпеть рясы, принятой нами от наших отцов? Некоторые недоумевают: «Разве ряса делает человека священником?» А ты посмотри, к примеру, на два масличных дерева — одно в листьях, а другое без них. Какое из двух тебе больше понравится? С листьями или без? Живя в ка-

лыве Честного Креста, я однажды ободрал кору со ствола росшего во дворе масличного дерева и написал: «Древа свой сбросили наряд — посмотрим, сколько уродят!», а рядом ещё: «Поп безряственный — видать безнравственный».

Как-то раз я встретил на аэродроме одного улетавшего за границу молодого архимандрита в мирской одежде. «Я — отец такой-то», — отрекомендовался мне архимандрит. «Ну и где твоя ряса?» — спросил я его и, естественно, не стал брать у него благословения.

Некоторые утверждают, что, став более современным (спортивные и светские мероприятия, Интернет), духовенство принесёт больше пользы... Когда Патриарх Дмитрий, находясь в Америке, посетил Богословскую Школу Честного Креста, то к нему подошли некоторые благоговейные студенты-американцы и сказали: «Ваше Святейшество, в нашу эпоху духовенство должно стать современнее!» А Патриарх им ответил: «Святой Косма Этолийский говорит, что... когда духовные лица превратятся в мирян, миряне превратятся в бесов!» Правда, хорошо он им ответил?

Паисий Афонский



**Аристарх
СВИРИДЕЦКИЙ,
иерей, Таллин**

Исповедь ребёнка

последствиях своих поступков.

Замечательно, когда ребёнок видит, как исповедуются и Причастаются Святых Христовых Тайн старшие. Особенно правильно, когда родители, исповедуясь, подводят и ребёнка на благословение ко священнику. Впоследствии это поможет ребёнку перестать чувствовать страх пред священником.

Печально, когда те, кто привёл ребёнка в церковь, сами не подступают ни к Чаше, ни к исповеди. Ещё печальнее видеть, как через силу заставляют ребёнка идти на исповедь. В таком случае вполне ожидаемо: когда чадо повзрослеет и ему исполнится лет шестнадцать, то он начнёт чувствовать себя взрослым и впоследствии откажется от таинств точно так же, как делали его взрослые родители. Поэтому, если родители хотят научить ребёнка исповедоваться и Причастаться, делать это надо вместе.

Итак, вы пришли с ребёнком на исповедь. С чего же начать? Вообще, если мы говорим о детской исповеди, нужно понять, что мир ребёнка очень индивидуален. Здесь нет универсального подхода. Очень важна обратная связь. Здесь действует самая главная заповедь: не навреди! Ни в коем случае нельзя ожидать готового результата. Отношение к исповеди у ребёнка будет формироваться всю жизнь. И даже если подросток на первых порах отказывается идти исповедоваться, хотя он и

посещает церковные службы, то это пусть не пугает родителей, ибо это тоже можно назвать началом духовного становления, хотя пока со знаком «минус». В любом случае во всех этих ситуациях нельзя давить на ребёнка, подростка и взрослого человека, заставляя его исповедоваться. Здесь уместным будет честный разговор друг с другом, но не насилие.

Воспитание закладывается в семье. Именно родители, как первые духовники, объясняют своему малышу — «что такое хорошо и что такое плохо». Родители видят, как ведёт себя их ребёнок и постепенно наставляют его. Когда видят доброе — на это обращают внимание и хвалят ребёнка. Когда видят что-то плохое, то спокойно объясняют малый проступок. Если же родители замечают, что ребёнок их обманывает, недоговаривает что-либо, младших начинают обижать, тогда будет правильно сразу же поговорить с ребёнком, выстраивая рамки его поведения. Когда дома идёт такой воспитательный процесс, то ребёнок, будучи уже отроком, приходит осознанно на исповедь и всегда может своими словами исповедоваться, рассказывая о том, в чем чувствует себя виноватым перед Богом, родителями, друзьями и самим собой. Вот это уже правильный настрой. Родители должны учить ребёнка отвечать за свои поступки и осознавать их. Ребёнок учится познавать не только окружающие предметы и явления, а



он открывает для себя очень важное — мир отношений между людьми.

Когда дело подходит к самой исповеди, то может сложиться так, что ребёнок будет чувствовать себя очень взволнованно. Тогда родители могут помочь ребёнку подготовиться к Таинству и предложить ему написать свои покаянные чувства на бумаге. В этом нет ничего плохого, и это действительно на начальных этапах помогает не обращать внимание на чувство страха. Особенно хорошо, когда перед Причастием в семье бывает общая подготовка к исповеди: ребёнку объясняют значение того или иного греха, показывая примерами, к чему это может привести. Но и это надо делать, учитывая возрастные особенности. В противовес грехам можно рассказать и о добродетелях, которые помогают

ребѣнку осознать в себе плохие поступки.

Родителям не следует «давить» на ребѣнка, убеждая его в том, что во что бы то ни стало тот должен по-исповедоваться именно в таком-то и таком-то грехе. Плохо, когда ребѣнок исповедует Богу не свою вину, а то, что видят плохого в нем его родители. Ещё хуже, если во время исповеди чадо зачитывает грехи, значения которых вообще не понимает и поэтому не чувствует себя виноватым. В конечном счѣте это превращается в исповедь родителей о своём ребѣнке. В таком подходе

может проявляться чрезмерная опека родителя. Возможно, это делается из лучших побуждений, с желанием научить ребѣнка исповеди, но при таком подходе, скорее всего у ребѣнка так и останется на руках «бумажка с грехами», которую написали ему родители, или даже – выученная наизусть «родительская» исповедь. В итоге маленький человек никогда сам не начнѣт искренне исповедоваться, и все это превратится в формализм. Важно, чтобы от исповеди и у ребѣнка, и у взрослого человека было состояние того, что Бог простил грех, чтобы было на

душе состояние радости и чистоты.

Есть ещё одна ситуация, когда исповедь превращается в очередной «рычаг управления» и своеобразного контроля родителя над ребѣнком – когда родитель через священника хочет влиять на ребѣнка. В таком случае важно понимать – на Таинстве исповеди родителями отодвигается Сам Бог. Исповедь – это Таинство покаяния, и вмешиваться туда кому-то ещё очень опасно. Трудно отроку в полной мере богословским тоном объяснить, что такое грех и почему он так страшен, ведь грех отделяет и отдаляет нас от Бога.

Скорее всего, не получится объяснить в полной мере в этом возрасте. Но когда благочестивое отношение к Церкви и всему святому сохраняется у самих родителей, тогда и у ребѣнка восприятие благочестия будет целостным.

Постепенно отрок станет старше. Станут появляться новые темы для обсуждения. Будет возникать множество вопросов, на которые родителям придётся давать ответ. Здесь важно взрослым сохранить внутри себя стремление к святости и дух покаяния, чтобы иметь возможность найти в своём сердце правильные слова для своего чада.

Православная книга

Вспоминаю случай из своего далѣкого детства. Случай, перевернувший всю мою жизнь. Мы были деревенскими, и, когда начался голод, мать не стала ждать, пока все её дети погибнут, а снарядила нас, старшеньких, в город. – Идите, детки, идите, может, и прокормитесь. Что подадут, что попросите. А тут – совсем худо. – Мам, а ночевать-то где? – спросил я. – В подвалах ищите, в конюшнях, а лучше – к Храму Божьему держитесь поближе. Прощание было коротким. Старый армяк на мне, сестрѣнке мать дала свой платок. И пошли. Мне в ту пору исполнилось двенадцать, а Маше – семь лет. Город ошеломил нас: крики, суета, всюду движение. Но стоило свернуть с главной улицы, и становилось тихо, как в деревне. Я не боялся, а сестрѣнка пугалась, все норовила спрятаться мне в бок, пищала: «Саш, а мож, вернѣмся? Мамка дома...» Мамка-то дома, да только не ждѣт. С ней четверо остались. Я внимательно оглядывал подворотни. Подвалы закрыты, конюшни и подавно. Тогда я поднял голову и стал смотреть вверх. Немного погодя увидел, как заблестели верхушки куполов. Туда и потянулись. Городской храм – не чета деревенскому. Высокие ступени, белокаменный. Я заробел. Как подойти, как просить? Поодаль, ближе к воротам, стояли нищие: все больше калеки, старички и старушки. Но я не смел стать рядом, мне что-то мешало, внезапно стало душно и тяжело. Из открытых дверей поодиночке выходили люди. День был будничнй, обедня, по всему, давно кончилась. Я вошёл, покружил, посмотрел на горящие свечи, полюбовался резными воротами алтаря. Тихо, спокойно. Но что же делать? – мучил вопрос. Вышел из храма. Сестрѣнка ждала на ступеньках. Она хотела есть, но молчала, надеялась на меня. Мимо прошла хорошо одетая женщина. Я проводил её взглядом – и вдруг бросился к ней, горячо умоляя: «Матушка, матушка, возьмите меня

Молитвы человеческие

в работники, я всё умею! Я – деревенский, сильный. Воду носить, дрова колоть, и за лошадьми...» Но женщина заторопилась прочь, оглядываясь на меня чуть ли не в ужасе. Однако я не огорчился, наоборот, обрадовался, потому что, как мне казалось, нашѣл решение. Наниматься в работники – это привычно: мать всегда посылала нас по деревне, людям помогать. Нас и накормят, и, бывало, заплатят. Только тут меня никто не знал. Я кидался к одному, к другому – все спешили мимо, оглядываясь подозрительно, с опаской. Время шло. Сестрѣнка жалась в платок. Нищие познакомились с нами, стали её учить: «Ты ручку-то протяни, протяни, не бойся». Она вытянула руку. Пальцы посинели от страха и напряжения. Глаза с мольбой смотрели на меня: «Саш!» Мне стало не по себе... Сырая осень загнала солнце за тучи, потянуло ветром. Ни еды, ни ночлега. Ей что-то подали, мелкую монету, и я тут же спрятал её глубже в карман, чтоб не потерять. К вечеру мы совсем отчаялись. Нищие разбрелись кто куда, храм закрыли. Оказавшись за оградой, я почувствовал, что надеяться не на что, взял сестру за руку и пошѣл. Купить что-либо на монетку оказалось невозможно: слишком мелкая. Остановился и огляделся вокруг. Окна светились тёплым сиянием огоньков. Столько еды, тепла! Ладонка сестры окоченела от холода. Мы забились в какой-то угол между домами, где ветер не так донимал, я натаскал соломы, разбросанной по переулкам, обнял её крепче. Зажмурился, а перед глазами – дом. Дрова ещё оставались, и мать топила, и даже когда голодно, всегда находилось место между младшими братьями и сѣстрами, чтобы согреться и уснуть. Вернуться? Но её глаза... С ней четверо остались. Я самый старший, а значит, ел больше всех... Через три-четыре дня стало понятно, что нам не выжить, не прокормиться. Подавали так мало, что едва хватало на маленькую лепѣшку, пару яблок. Сестра ослабла и уже не могла стоять, она сидела на



Художник Константин Маковский

ступеньках, склонив голову на плечо, и всё время молчала. Ночевали мы за храмом, в кустах, прижавшись к стене: берегли силы. ...Той ночью поднялся ветер и выгнал нас из убежища. Взяв сестру на руки, я перенѣс её ближе к дверям: здесь было тихо. И задремал. Внезапно дверь храма распахнулась, и из неё вышла Женщина. Я даже не понял, почему проснулся. Просто открыл глаза и увидел Её: невысокого роста, одета в глухое монашеское одеяние, на голове плат. Подойдя к нам, склонилась и глянула мне в лицо. Я похолодел. Вдруг Она открыла уста и тихо сказала: «Что ж ты не молишься? Проси Сына Моего!» Затем повернулась и скрылась внутри. Церковь открыта! – осенило меня. В один миг я очутился у

двери. Та была заперта, и большой замок висел так, как сторож оставил его. Я долго дрожал, пытаюсь унять страх, и жался ближе к сестре. Пока вдруг слова не ожили в моей памяти: «Что ж ты не молишься? Проси Сына Моего...» Какого Сына?! Едва я дождался утра. Церковный сторож не спеша открывал дверь, а я стоял рядом, подпрыгивая от нетерпения. Вошѣл, рысцой обежал храм, заглянул в каждый угол: Женщины не было. И вот, в тот момент, когда я стоял, озадаченнй, на меня с большой, во весь рост иконы глянула Богородица. Столько раз я смотрел на этот чистый Лик, но лишь сегодня увидел глаза. Это были те же глаза, и выражение то же! Долго я вглядывался. И чем больше смотрел, тем от-

чётливее стучало сердце: Она! Её Лик! Мой детский разум не мог понять: как, почему. Я просто смотрел и видел ту же мягкую линию губ, ту же ласку, когда Она сказала: «Проси Сына Моего!» Огляделся, искал глазами священника. Рассказать? И смутился: да кто ж мне поверит? И тогда я повернулся к Сыну. Молиться я не умел. Когда жив был отец, он всегда серьёзно, неторопливо читал перед едой «Отче наш», и мы все негромко повторяли. Но отец умер, и в доме не молились. Я зашёл за колонну, сосредоточился. «Отче наш, Иже еси на небесех, – начал тихонько, – да святится имя Твое...» Молитва лилась легко, схваченная раз и навсегда прочной детской памятью, но что означали эти слова – я не понимал. Закончил, перевёл дух, и вдруг просто поднял голову, глянул Ему в лицо – и горячо, горячо зашептал. Я рассказал Ему всё: и про голод, и про мамку, и про то, что она не виновата, ведь нас шестеро в семье, а отца давно нет, и лошадей продали, потому что некому

пахать. И про сестру, которая там, за дверью, милостыню просит, только не дают, а если и дают, то так мало... Чего только я не наговорил в тот первый раз! Он слушал меня, глядя спокойными, глубокими глазами. А я весь вспотел, несколько раз утирал набегающие слезы, но плакать не хотел, а просто говорил и говорил. И когда закончил, опустил неловко на колени и прижался лбом к холодной стене. Растревоженная душа моя болела, но в неё уже вселилось что-то новое, неизведанное ранее: покой, чувство защищённости. Я не ожидал, что сию минуту в моей жизни что-то изменится, просто не думал об этом, но успокоился, потому что попросил... Времени прошло немало. Когда вернулся к сестре, она стояла, плотно зажав конец платка в кулаке. Так я научил: подадут что – прячь в платок и держи крепко, пока мне не отдашь. Маленькая, ещё потеряет... Она раскрыла ладонь, и я глазам своим не поверил: на тёмной ткани сияла чистая серебряная монета! У меня

едва ноги не подкосились. Голод, только что пережитое волнение сделали меня слабым, и я упал на ступени. Отдышался, унял дрожь. Потом резко поднялся и побежал в лавку. Лавочник подал мне белую булку и целую горсть мелкой монеты: сдачу. Сестре я купил леденец. А потом всё потекло. Люди привыкли ко мне и звали помочь по хозяйству, давали маленькие поручения. Сестрёнка просила, а я – целый день то туда, то сюда. Ощущение было такое, будто Кто-то сильный вмешался в нашу судьбу. Ничего не выдумываю, я это видел! Едва началось утро, и открывали храм, я входил, прятался за колонны и молился. Я не просил – умолял! Благодарил, рассказывал, сколько зарабатывал, и что нас уже несколько раз звали ночевать добрые люди, и многое другое. Изливал свою радость – и убежал. Уже глубокой осенью знакомая барыня взяла меня в услужение, в свой дом. А Машу в приют устроила. Ей там платьишко дали, шубейку тёплую. А я и вовсе в

новом ходил. Хозяйка приказала меня и одеть, и обуть. «Я когда увидела, Саша, как ты молишься, – сказала она мне много времени спустя, – то сразу поняла: такой человек ни обманывать, ни воровать не станет». Так и жил у неё. Старался, как мог, с утра до вечера то по поручениям, то по дому. Мы, деревенские, к работе привычные. Даже не уставал. А когда настала весна, отпросился у барыни на три дня и поехал домой. Нашёл на рынке мужиков из наших мест, заплатил. Погрузил на телегу мешок картошки, муки. Когда добрался, оказалось, мать похоронила двух младшеньких, сестрёнку и брата. Она долго меня обнимала, просила прощения. «Мам, ну, ты что...» – отнекивался я басом. А когда все уснули, рассказал ей про ту Женщину из храма. Она опять заплакала, потом встала на лавку, взяла из красного угла икону Божьей Матери и нежно поцеловала.

Из сборника христианских рассказов
Елены Черкашиной



Игорь ПРЕКУП,
протоиерей

Сердце чисто созижди во мне, Боже...

весь первый абзац – не мнение автора, а ироничное описание определённого образа мысли, распространённого в православной среде?

Неудобные вопросы

И все же, если задать этот вопрос не риторически? Кто-то, быть может, ответит, что для участия в Таинствах. И правильно ответит. Но, мы тут же упираемся в ряд вопросов: например, для чего нам нужны Таинства? Впрочем, кто-то вовсе не «упирается», кому-то все кажется ясным: крестимся сами и детей своих крестим, чтобы «получить от Бога защиту от болезней и бед». Исповедуемся, чтобы «отдать Богу грехи». Причащаемся, потому что «иначе в рай не попасть» – вот такой «православный магизм». Как говорится, «неправильно ты, Дядя Федор, бутерброд ешь!..»

Так в чем же сущность Таинств, для чего молиться – лично, где бы то ни было, и совместно с Церковью в церкви? А для чего нам нужно слово Божие – опять же, как личное чтение Священного Писания, в особенности Нового Завета, так и слушание богослужебного чтения Евангелия, Апостола, а также паримий и псалмов? Для чего проповедь, наконец, а отсюда закономерный вопрос, какой она должна быть?

Неудобные ответы

Иногда на вопросы о смысле всего вышеперечисленного отвечают: «Чтобы спастись». Но что это значит? Кто-то опять же ответит, что «спастись» – значит избежать вечной смерти, вечных мучений в аду. Ну, допустим. А что для этого надо делать? И вот человек, пони-

мающий слово «спасение» в общепринятом смысле как избавление от бед и невзгод, мучительных страданий, преследований, болезни и смерти, перенося это понимание на вечность, ответит, что, если мы хотим спастись от вечной гибели, надо делать то-то и то-то, а того-то и того-то не делать. И среди того, что надо и не надо, будет на первом плане стоять в лучшем случае то, что предусмотрено ветхозаветными заповедями. «В лучшем», потому что на первый план могут выйти вовсе даже и не заповеди, а сами по себе пусть и хорошие, но все же служебные средства спасения: соблюдение постов и праздников, вычитывание молитвенного правила, точное соблюдение обрядов, в том числе всевозможных не соответствующих богослужебному уставу, но очень нравящихся народу «преподобных обычаев». То есть получается: для того, чтобы не попасть в ад, надо Бога задобрить соблюдением некоего свода правил, а иначе Он не пощадит и к Себе обратно в рай не пустит. Такое вот извращённое представление о любящем Отце Небесном!..

Конкретные примеры из повседневной приходской жизни или околоприходской пастырской практики, если их детально описывать, ужасают кошмарным низведением Бога на уровень какого-то языческого верховного божества, страдающего профессиональной болезнью «олимпийцев» – так называемой «завистью богов». Этот существующий лишь в поврежденном воображении, подменяющий Бога персонаж, как бы ставит нам условия, на которых он согласен нас принять, и воздвигает из запо-

ведей, церковных правил и житейских обстоятельств препятствия к нашему вечному блаженству, которого достичь мы можем, лишь «заработав» его и «заслужив», обливаясь кровавым потом.

Но заработать можно лишь что-то равноценное своему труду. А может ли человек что-то создать настолько ценное, чтобы это можно было обменять на хотя бы мгновение вечного блаженства? Заслужить можно только то, что положено. И плата, и награда – то, что положено труженику, что удерживать – преступление, сродни краже, если не хуже.

Но положено ли человеку блаженство? Должен ли Бог человеку? Нет. Блаженство – дар, подарок, если выразиться привычным образом. Подарки не зарабатывают. Правда, если речь о земных подарках, то их можно заслужить. Тогда уже речь не просто о подарках, а о наградах. Но мы знаем, что награждают за какой-то существенный вклад, за пользу, принесенную тому, кто награждает. Это касается и государственных наград, и наград каких-нибудь сообществ (та же премия Нобеля, например). И эти образы заслуг, наград нам близки и понятны. Потому они и используются в Священном Писании, в святоотеческой и богословской литературе, однако, пониматься должны с некоторой поправкой, или, как говорит свт. Иоанн Златоуст, «богоприлично». Все, что говорится о заслугах и подвигах, которыми стяжаются венцы святости – это образы для пущей доходчивости.

Дар Божий невозможно не только заработать, но и заслужить. Достоин ли человек платы или награ-

...А мы точно этого хотим? Вот в самом деле, да? Чего ж тогда не утруждаем себя жизнью по Евангелию? Ах, ну да, конечно же, ведь как нам поступать чисто, если сердце наше нечисто? Вот мы и просим Бога, чтобы очистил его. Как очистит, мы прям-таки сразу святой жизнью и заживём, а пока живём, как можем: где осудим да позлословим, кого поненавидим, кому подгадим... Ничего, Бог простит. Мы же Ему «хоть и свиньи, да свои», чай не какие-нибудь нехристи: пост блюдём, в храм ходим, крест-иконы целуем, исповедуемся да причащаемся. Ну а жизнь... Мы же не святые. Мало ли, что там священник на Литургии возглашает: «Святая святых!» Сказано же, что одни сосуды Бог сотворил («в честь»), а другие («не в честь»), кто-то младенцем в постные дни грудь не брал, как прп. Сергей Радонежский, а кто-то родился обычным человеком от обычных родителей, а то ещё и отягощённым дурной наследственностью. Господь же видит, кому больше, кому меньше дал. Он и спросит с каждого в свою меру. Раз не чувствуем в себе готовности к святой жизни, то нечего и пытаться её имитировать. Довольно одной сдержанности в эмоциях, которая, на первый, поверхностный взгляд, сойдёт за кротость и смирение. Главное, чтобы перед людьми не опозориться, стыдно ведь, «когда видно», так? А Господь – Он же милостив: грех простит.

Надеюсь, не надо пояснять, что

ды в обычной жизни определяется трудом и исходящей от него пользы тому, кто, собственно, платит или награждает, согласно договору, но достоин ли человек даров Божиих (в том числе вечной жизни) определяется не понесенными скорбями и вложенными трудами, а его «предприимчивостью», проявленной в течение жизни (см. притчи о талантах (Мф. 25: 14–30) и минах (Лк. 19: 12–26)). Все аскетические труды и подвиги – это не буквальное «заслуживание» спасения и тем более не его «зарабатывание», а приведение себя с Божией помощью в состояние способности принимать благодать Духа Святого и приумножать её в себе, это соработничество Богу в процессе своего исцеления.

Так всё же...

Всё боговдохновенное Священное Писание Нового Завета и все святоотеческие наставления – о духовном плодоношении, о внутренней жизни. Внешние действия рассматриваются лишь как проявления внутренней жизни сердца – сердца, обращенного к Богу – и как средства воздействия на сердце, как инструменты Его обработки. Поступая тем или иным образом, искренне или лицемерно, по заповедям Божиим или вопреки им, мы пускаем в себя либо благодать, либо грех, и тогда либо даем Богу в своем сердце действовать, либо тому, кого Апостол назвал «человекоубийцей от начала» (Ин. 8: 44) – тому, кто губит наше сердце в особенности, когда мы, идя у него на поводу, лукавим, делаем добрые дела для отвлечения совести, или, извращенно оправдывая зло, представляем его как бы необходимым ради достижения высшего добра. Внешне все может очень пристойно выглядеть, но каким становится тогда наше сердце? Что в нем зреет, какое состояние формируется?

Пословица гласит: «Суди дерево по плодам, а человека по делам». Господь, однако, о людях говорит: «По

плодам их узнаете их» (Мф. 7: 16). Казалось бы, нет разницы. Ведь под плодами имеются в виду дела? Что ещё может быть плодом внутренней жизни? Не совсем так. Дела могут свидетельствовать о плодах духовной жизни, но необязательно. Порой человек своей деятельностью, будучи, например, движим тщеславием, честолюбием или соображениями иной выгоды, создаёт лишь видимость плодоношения, совершая дела, которые как бы свидетельствуют о том или ином благом устройении души, о тех или иных добродетелях, но эти дела так и остаются внешним украшением его жизни, не более.

Именно об этом евангельское повествование о проклятии смоковницы (см. Мф. 21: 19). Свт. Феофан Затворник так его толкует: «Господь осудил смоковницу на бесплодие за то, что по виду она была так покрыта листьями, что следовало быть на ней и плодам, которых, однако, не оказалось... В применении к жизни христианской листья означают внешние дела благочестия и внешние подвиги, а плоды – внутренние состояния. По закону так: внешние дела должны исходить из внутренних состояний. Но по снисхождению к немощам, по крайней мере, склонности должны развиваться вместе с делами. Если же дела есть, а склонностей нет и в зародыше, – от этого происходит лживость жизни, которая состоит в том, чтобы казаться, но не быть. Вначале, может быть, и нет этого несчастного настроения в мысли, а потом оно незаметно появляется и определяет собой строй жизни. У того, кто обращает слишком большое внимание на внешнее и пристрастится к нему, ослабевает внимание к сердцу, гложут духовные чувства и водворяется холодность. На этом уровне замирает духовная жизнь, остаётся видимость благочестия – без силы его. Поведение внешне исправно, а внутри – всё наоборот. Следствие этого – духовное бесплодие: совершаются дела,

но все они – мёртвые».

Апостол Иаков говорит, что «вера без дел мертва» (Иак. 2: 26). Однако тут требуется уточнение: без дел по вере. Ибо она мертва и в том случае, если есть дела, будто бы свидетельствующие о ней, но они обусловлены посторонними, чуждыми ей мотивами и стремлениями. То есть – когда дела вроде как есть, но вера в них не живёт: они мало того, что не являются её проявлением, её осуществлением, её жизнью в окружающей жизни ради жизни вечной, но ещё и служат лицемерному прикрытию порочности.

«Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 8)

Смещать ориентиры и путать приоритеты, значит исказить Божественное Откровение, препятствуя верующим «право и спасительно веровать в Него и достойно чтить Его» (свт. Филарет Московский). Жизнь по совести, просвещённой Евангелием, предполагает как непремennую основу заботу о внутренней чистоте. Господь обличает фарисеев, что они, заботясь о внешнем виде (о манере держать себя, похвальных поступках, благочестивом поведении, ради репутации, уважения, доброго имени), небрегут о внутреннем состоянии своих душ: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23: 25).

Невозможно укорениться добродетели в липком сердце. «Кто возбраняет устам своим клеветать, – пишет прп. Исаак Сирин, – тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа. <...> Если любишь чистоту, при которой может быть зрим Владыка всяческих, то ни на кого не клеветай и не слушай того, кто клеветает на брата своего. <...> Сердце раздраженное не вмещает в себе таин Божиих; а кроткий и смиренному-

дрый есть источник таин нового века. <...> Кого хвалят справедливо, тот не терпит вреда. Но если усладительна для него похвала, то безмездный он делатель». Чистота сердца, учит прп. Исаак, приобретаетсЯ оплакиванием своих грехов, «от плача приходит человек к душевной чистоте», которая, по его словам, есть «сердце, милующее всякую тварную природу», а сердце милующее – это «возгорание сердца у человека о всем творении – о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. <...> И от великого терпения умалится сердце его, и не может оно вынести или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно приносит молитву, чтобы сохранились и очистились».

Чистота сердца – это чистота любви. Прп. Симеон Новый Богослов говорит: «Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстью, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимой любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога».

Условием видения Бога апостол Павел называет мир: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12; 14) (славянский перевод рассматривает *ὁ ἡσυχία* <у хорис> во множественном числе – их же кроме, то есть не «без которой», а «без которых»). Святость – свойство Божие, Он её податель, мы приобщаемся ей, трудясь, с Божией помощью, над своим сердцем. Он же и податель мира, удерживать, хранить и приумножать который, не пуская в своё сердце чуждый дух, откуда бы и через кого бы он ни исходил – дело нашего свободного произволения.

Мир, созданный Творцом

Фотографии Татьяны Новиковой-Пидвысоцкой, Сергея Маркина, Андрея Базанова,





Ольга МАЙЕР,
литературный редактор
газеты «Православный
Собесѣдникъ»

У Льва Николаевича Толстого – безусловного гения мировой литературы и выдающегося мыслителя, есть выражение: «ум ума» и «ум сердца». Ум – лукав! Он всё может объяснить так, как хочется услышать человеку, заблудившемуся в лабиринтах гордыни. Только сердце чувствует Истину – Христа! Только сердце знает дорогу к Спасению! И ему ничего объяснять не надо! К очищению сердца направлена и вся благодать Духа, присущая Церковным Таинствам, которые тщетно пытался всю жизнь постичь умом граф Л.Н.Толстой. Великий разум мыслителя так и не смог понять бесхитростный «ум сердца». И в этом – трагедия Л.Н.Толстого.

Трагедия великого ума

Могила без креста

На могиле Льва Николаевича Толстого – величайшего русско-го писателя-гуманиста, глубокого мыслителя, жившего напряженными и порой очень мучительными духовными исканиями, нет ни креста, ни надгробного памятника. В Ясной Поляне, родовом имении Толстых, по сей день удивляет посетителей могильный холм, поросший травой. Особая уединённость отличает эту могилу: дубово-берёзовая роща, заросли орешника, овраг, лес... Здесь, на поляне, залитой солнцем, на расстоянии половины версты от дома, близ дороги, по которой любил гулять граф Толстой каждое утро, и нашёл мятущийся дух писателя «вечный покой». Пожалуй, только перо самого Льва Толстого и смогло бы точно описать зябкую унылость могилы без креста.

«Молилась и плакала...»

Софья Толстая в апреле 1911 года оставила в своём личном дневнике запись: «Тёплый день, ветер, вышла в первый раз и пошла, конечно, на могилу Льва Николаевича. Вдали усиленно звонили в колокола. «Христос воскрес» звучало по всей России, а в лесу, на могиле было тихо, тихо; качались засохшие венки на ветру, и я молилась и плакала». Думается, что Софья Андреевна, жена и неизменная помощница Толстого, мать тринадцати его детей, не могла не плакать о том, что её прославленный муж, с которым она прожила 48 счастливо-несчастливых лет, заблудил-

ся-таки в поисках Истины, создав своим «крепким умом» религиозно-философское учение, которое увело от Христа многих и многих людей. Плакала она, наверное, и о тех дневниковых записях, которые Лев Николаевич оставил об их совместной жизни и которые будут теперь читать многие, обвиняя Софью Андреевну в том, что она так и не смогла понять духовных исканий супруга, отравляя их семейную жизнь скандалами, доводящих до обоюдной ненависти. Желая крепко «привязать» мужа-гения «земным благополучием», Софья Андреевна и не заметила, когда и как порвалась между ними связующая духовная нить. «Что нужно, чтоб привязать? — откровенничала Софья Толстая со своим Дневником. — Мне внушали, что надо быть честной, надо любить, надо быть хорошей женой и матерью. Это в азбучках написано — и всё это пустяки! НАДО НЕ ЛЮБИТЬ, надо быть хитрой, надо быть умной и надо уметь скрывать всё, потому что без дурного ещё не было и не будет людей. А ЛЮБИТЬ, ГЛАВНОЕ, — НЕ НАДО».

Так и не смогла Софья Андреевна, прошедшая с такой установкой через 40 с лишним лет семейной жизни, стать для Льва Николаевича Толстого «ковчегом спасения» в страшном водовороте его духовных заблуждений.

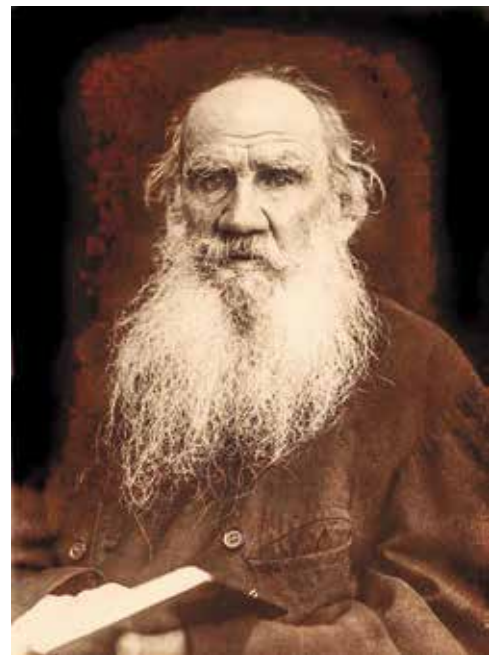
Путь к «земному Раю»

Вопросы о смысле жизни занимали Толстого уже в раннем детстве. Он свято верил, что есть некая

«зелёная палочка» с вырезанным на ней секретом счастья для всех людей, которые должны стать «муравейными братьями». Придавая громадное значение моральным постулатам (как духовным скрепам!) и человеческому разуму, который должен созидать, а не разрушать, будущий великий гуманист начал поиск пути, ведущего к «Раю на земле».

До пятнадцати лет Лев Толстой, которого крестили во младенчестве в Русской Православной Церкви, чтит все церковные традиции и каноны, но философские труды французских просветителей, коими он увлёкся, сделали своё дело: ярый противник христианства Жан-Жак Руссо стал его «властителем дум» — в шестнадцать лет Толстой сменил свой нательный крест на медальон с портретом Руссо. И только после сорока, разочаровавшись в пессимистической философии, которая не давала «разумных ответов» на пытливые вопросы, писатель вынужден был признать, что именно вера наполняет жизнь человека смыслом. Тогда Толстой вновь повернулся лицом к Православной вере: часто стал посещать церковные службы, читать богословскую литературу и проводить многочасовые беседы с Оптинскими старцами. От встречи с преподобным Амвросием Оптинским Толстой, долгое время находясь под впечатлением, говорил: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». А святой Амвросий же, вспоминая свой разговор с Толстым, горько сокрушался: «Какой гордый...гордый человек...»

Пытаясь не сердцем принять, а лишь великим умом своим изучить и осмыслить христианскую веру, Толстой принялся «очищать» её от «неразумного»: «Разговор о божественном и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле», — запишет Толстой в своём дневнике.



Великий ум Толстого решил создать свою религию! Толстой стал открыто отрицать Троицность Бога, считая Иисуса Христа только великим Человеком, и не желал признавать непорочное зачатие Христа и Его Воскресение, отказываясь чтить Таинства Церкви и святые иконы. С позиции «здорового смысла» писатель отверг Ветхий завет, а в Новом завете переписал четыре Евангелия, выбросив из Святого Писания «ненужные» части. Толстой искренне верил, что именно на основе «очищенной религии» можно создать «Царство Божие земное среди людей».

Мятущийся дух писателя так и не принял на веру христианские догмы — «гордый ум» отчаянно сопротивлялся «уму сердца». Написав в четырёх томах «Критику догматического богословия» и разработав свою религиозную философию «В чём моя вера», Толстой в своей «Исповеди» обстоятельно изложил историю и причины своего расхождения с Православной Церковью, которая воспринималась им как понятие социальное, политическое, экономическое, но не духовное. В том, что Толстой так критиковал Церковь, явно присутствует элемент какой-то очень сильной личной обиды и нескрываемого раздражения. Но вот что могло послужить такой неприязни, мы,



Лев Толстой с женой



Прп. Амвросий Оптинский



Лев Толстой со своей сестрой Марией, шамординской монахиней

наверное, уже никогда не узнаем. Так или иначе, но жѣсткая критика духовенства приковали к Толстому пристальные взгляды всего мира.

Отец Иоанн Кронштадтский, невзирая на мировой авторитет Толстого, открыто заявил: «Много слепцов духовных учились и учатся у Л. Толстого, которого с жадностью читают и попадают в его сети, отчуждаются от Бога, впадают в отчаяние и заканчивают самоубийством. Вот плоды дьявольского таланта, который сеют враги Божии».

К. П. Победоносцев – обер-прокурор Святейшего Синода, в письме к профессору С. А. Рачинскому в 1896 году писал: «Ужасно подумать о Льве Толстом. Он разносит по всей России страшную заразу анархии и безверия!.. Точно бес овладел им – а что с ним делать?» Император Александр III по этому поводу говорил так: «Не делайте Толстого мучеником, а меня – его палачом».

Церковь, желая избежать конфликтных недопониманий в среде интеллигенции, слепо поклонявшейся Толстому, не хотела привлекать внимание общественности к религиозным заблуждениям писателя. Желая помочь Льву Николаевичу разобраться в его ошибках, с писателем вступали в переписку и встречались для долгих бесед многие иерархи Православной Церкви: митрополит Макарий (Булгаков), епископ Алексий (Лавров-Платонов), архимандрит Леонид (Кавелин)... Но всё было тщетно.

И только тогда, когда Толстой издал огромным тиражом (в России и в Европе!) роман «Воскресение», где открыто стал насмехаться над Таинством Евхаристии, всем стало ясно, что молчать больше нельзя, ибо возникла двусмысленная ситуация — Толстой называет себя христианином, но открыто пропагандирует ложные религиозные взгляды, существенно отличающиеся от Православного учения. Ответственность ждала реакции Церкви. И Церковь ответила!

Журнал «Церковные ведомости» опубликовал «Определение Святейшего Синода от 20—22 февраля 1901 года № 557 с посланием

верным чадам Православной Грекороссийской Церкви о графе Льве Толстом», в котором официально извещалось об отпадении графа Льва Толстого от Церкви, так как его публично высказываемые убеждения абсолютно несовместимы с Православным вероучением.

Анафема ли?!

Многим известен рассказ писателя Куприна «Анафема». И хотя повествование не соответствует исторической действительности, читателей не мог не взволновать образ взбунтовавшегося протодьякона, который, находясь под впечатлением прочитанной ночью «прелестной повести» Толстого, на утреннем богослужении вместо того, чтобы торжественно объявить об анафеме писателю, провозгласил ему – «многая лета».

Литературный вымысел Куприна подогрел общественный интерес к «анафематствованию» Толстого. Но дело в том, что ни в одном из храмов Российской империи анафема Толстому не провозглашалась! Решение же Синода относительно Толстого было лишь констатацией того факта, что писатель перестал являться членом Православной Церкви, то есть «отпал» от неё по собственной воле. В Синодальном Акте 20—22 февраля говорилось и то, что Толстой может вернуться в Церковь, если принесёт покаяние.

Бегство из Ясной Поляны

Чтобы прожить оставшееся время в соответствии своим взглядам, восьмидесятидвухлетний писатель решил «бежать» из Ясной Поляны туда, где он мог бы найти душевный покой. Осенью 1910 года в непогоду, в ночную тьму и сырость Толстой, быстро собравшись, стараясь никого не разбудить, покинул дом. Взяв с собой лишь своего личного врача Д.П.Маковицкого, уже на ходу, трясясь в тарантасе, Толстой долго решал, куда же направить свой бег – на Кавказ или в какую-нибудь глухую деревню... И вдруг твёрдо сказал: «Еду в Оптину!» Мятежная душа писателя рванулась к спасению – туда, где ему смогли бы помочь преодолеть то мучительное одиночество, от которого не смогли спасти его ни семья, ни всемирная слава.

В Летописи Оптинского скита 28 октября записано:

«Прибыл в Оптину пустынь известный писатель граф Лев Толстой. Остановившись в монастырской гостинице, он спросил заведующего ею рясофорного послушника Михаила: „Может быть, вам неприятно, что я приехал к вам? Я Лев Толстой, отлучен от Церкви; приехал поговорить с вашими старцами. Завтра уеду в Шамордино“. Вечером, зайдя к гостиннику, спрашивал, кто настоятель, кто скитоначальник, сколько братства, кто старцы, здоров ли

отец Иосиф и принимает ли. На другой день дважды уходил на прогулку, причѣм его видели у скита, но в скит не заходил, у старцев не был и в 3 часа уехал в Шамордино. О пребывании же графа в Шамордине имеются следующие сведения. Встреча его с сестрою своею, шамординскою монахиней, была очень трогательна: граф со слезами обнял её; после того они долго беседовали вдвоѣм. Между прочим граф говорил, что он был в Оптиной, что там хорошо, что с радостью надел бы подрясник и жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но что он условием бы поставил не принуждать его молиться, чего он не может. На замечание сестры, что и ему бы поставили условием ничего не проповедовать и не учить, граф ответил: „Чему учить? Там надо учиться“ – и говорил, что на другой день поедет на ночь в Оптину, чтобы повидать старцев. Про Шамордино отзывался хорошо и говорил, что и здесь затворился бы в своей храмине и готовился бы к смерти. На другой день среди дня снова был у сестры, а к вечеру прибыла неожиданно дочь графа и ночью увезла его с собою».

В Записках же Душана Маковицкого от 29 октября остались слова Льва Николаевича, сказанные писателем после прогулки у скита: «К старцам сам не пойду. Если бы позвали, пошёл бы». И снова всплывают в памяти слова святого Амвросия о Толстом: «Какой гордый...гордый человек...».

Лев Николаевич Толстой так и не нашёл в себе силы переступить порог Оптинского скита.

О чём же думал он, удаляясь от Оптиной пустыни – от места, где могла бы найти покой его измученная душа? Чувствовал ли он приближение смерти, которую так много раз переживал со своими любимыми героями? Бегство не удалось – Толстой вновь возвращался в свой «земной рай», который пытался построить по законам своего Ума.

На станции Астапово писателю и его спутникам пришлось сойти с поезда – Лев Николаевич заболел воспалением лёгких. Начал задыхаться...

«Истину я люблю много...»

«Я кажется умираю...Истину я люблю много...», - слабым голосом повторял Лев Николаевич, обводя мутнеющими глазами собравшихся у его постели людей. Он много плакал. Подолгу молчал. Двигаться уже не мог. Только шевелил пальцами правой руки, словно записывал свои ещё невысказанные мысли, и просил лишь об одном – чтобы не пускали к нему жену...

Узловая станция Астапово под Липецком в одночасье стала известна всему миру – здесь, в доме начальника железнодорожной станции И.Озолина, тяжело умирал великий Ум эпохи.

По распоряжению Синода в

Астапово приехал из Оптиной пустыни старец Варсонофий, чтобы через Таинства Покаяния и Святого Причащения присоединить заблудшего грешника к Церкви, но... Александра Толстая, младшая дочь писателя – секретарь и последовательница его «учения», так и не допустила старца к своему умирающему отцу, а выслала лишь записку, где значилось, что граф Толстой не желает его видеть, а воля родителя для неё священна. Отец Варсонофий ответил: «Почтительно благодарю Ваше Сиятельство за письмо Ваше, в котором пишете, что воля родителя Вашего и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а Вашей тѣтушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами». Ответа не последовало. Когда Толстой умер,



Прп. Варсоно́фий Оптинский (Плиханков)

старец послал телеграмму епископу Калужскому Вениамину: «Граф Толстой скончался сегодня 7 ноября в 6 час. утра... Умер без покаяния. Меня не пригласили».

И не думали близкие по духу люди, последние семь дней находившиеся у смертного одра Льва Николаевича, какую невыносимо тяжѣлую моральную ношу возложили они на себя за тот «покой», в котором наглухо заперли умирающего...

Личный доктор и друг Толстого Душан Маковицкий, называвший себя «толстовцем», в 1920 году, вернувшись в Словакию, в состоянии тяжѣлой депрессии покончит жизнь самоубийством, а Александра Львовна Толстая, уехавшая в Америку после революционного переворота в России, станет глубоко верующей христианкой, которая всю жизнь будет горько раскаиваться в том, что, не желая волновать тяжело больного отца, она так и не сказала ему о приезде старца Варсонофия со Святыми Дарами и не показала телеграмму от старца Иосифа, который тоже готов был приехать к умирающему Толстому.

Родной край

Есть в Эстонии такие места, которые нужно посетить хотя бы один раз в жизни. Одним из таких мест является остров Кихну. Когда я собиралась в поездку, мои знакомые сказали мне: «Зачем ты туда поедешь? Там нет

музей, церковь и маяк.

О краеведческом музее о.Кихну я слышала и раньше, но то, что я увидела, меня поразило – как будто попадаешь в атмосферу XVIII-XIX вв. Экспозицию начали собирать ещё 100 лет назад.

Местная церковь, основанная ещё в XIV веке, интересна тем,

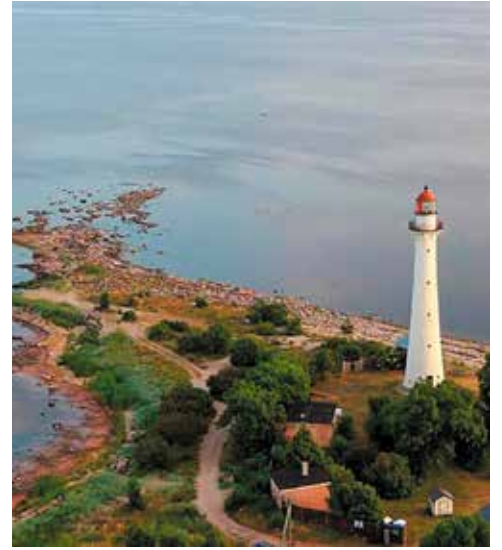
Остров Кихну

наследия. Очень интересно, что и по сей день на Кихну можно встретить женщину в традиционной юбке в вертикальную полоску, которая едет на мотоцикле.

Наша гид Эви, которая встретила нас в порту, тоже была одета в национальную одежду. Она сказала, что у неё 53 юбки: 20 осталось от бабушки, а 33 она сшила сама, - и это ещё не предел. Эви – очень живая, энергичная, и к тому же очень любит свой остров.

А вы когда-нибудь слышали о знаменитом капитане Йынния (1848-1913г), который на своём корабле пересёк Атлантический океан и достиг берегов Аляски? Это был мужественный и целеустремлённый мореплаватель. Капитан Йыннь управлял большими судами без компаса, ходил на судах, на которых другие капитаны не осмеливались выходить в море.

Известный эстонский скульптор Тауно Кангро увековечил память о диком капитане. Его



двухметровая бронзовая скульптура охраняет морские ворота яхт-клуба в Пярну. А о рыбаках на о.Кихну напоминает маяк. Маяк сделан из чугуна, и был привезен на остров в разобранном виде в 1864 году. По крутой лестнице можно подняться на смотровую площадку, откуда открывается прекрасный вид.

Так что, если вы любитель истории, поезжайте на остров Кихну. Я думаю, что вы не пожалеете.

Галина Шеин, Таллин



ничего интересного». Но всё оказалось с точностью наоборот.

Остров оказался живой историей, уходящей корнями в далёкое прошлое.

Он расположился недалеко от больших островов Эстонии – в «заморской изоляции». Примерные размеры острова 7 км на 3 км.

На острове 4 деревни, в которых проживает около 560 жителей. Каждая деревня имеет своё название.

Весь остров включён в список ЮНЕСКО за «сохранение нематериального культурного человеческого наследия!» Здесь люди носят национальные костюмы в повседневной жизни. Традиции передаются из поколения в поколение. Есть на острове и свои достопримечательности -

что изначально строилась как лютеранский храм. В 1846 году кихнусцы перешли в Православие, и храм получил название святого Николая. Сейчас церковь относится к Константинопольскому патриархату. В церкви хранится Евангелие 1863 года, подаренное русским царём Александром III. Кихнуские жители с глубоким уважением относятся к этому дару.

На острове много лавочек с изделиями ручной работы. Летом работает портовый рынок, где торгуют местными продуктами и ремесленными изделиями.

Рыбный промысел для мужчин – обычное дело. Мужчины подолгу находились в море. Вот поэтому женщины стали хранителями быта и носителями культурного



Фотографии: visitkihnu,mirtesen

ДОРОГИЕ БРАТЯ И СЕСТРЫ!

Приходской совет храма святой великомученицы Екатерины г. Пярну обращается ко всем с просьбой оказать посильную благотворительную помощь в связи с ремонтом.

Во время богослужений мы молимся о здравии наших благотворителей.

Да пребудет Божие Благословение и Божия Благодать со всеми нами.

Расчётный счёт:

IBAN: EE181010902000837002

(JEKATERINA KOGUDUS)

Приход храма вмцц. Екатерины, г.Пярну

СЧЁТ ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ:

SEB Pank AS

MPE Oigeusu Kirik

EE55101022022097221

с пометкой «Pravoslavnõi sobesednik»



ГАЗЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
БЕСПЛАТНО ЧЕРЕЗ ПРИХОДЫ
ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Заместитель главного редактора: иерей Вадим Годунов

Церковный цензор – протоиерей Леонтий Морозкин

Литературный редактор – Ольга Майер

Поверенный издатель – Роман Алпатов